Пестушко Юрий Сергеевич – канд. ист. наук, доцент ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный гуманитарный университет» (г. Хабаровск). E-mail: yuripestushko@yahoo.co.jp

Представленное исследование посвящено внешнеполитическому курсу России в 1905 – 1914 гг. В статье анализируются дискуссии в российских правительственных кругах по вопросам внешней политики и отношениям с Японией.

Ключевые слова: Россия, Япония, Дальний Восток, геополитика, Китай, внешняя политика, Балканский полуостров, Великобритания, Германия, Франция.

Дискуссии в российских политических кругах по вопросам внешней политики и перспективам отношений с Японией (1905 – 1914 гг.)

После завершения Русско-японской войны Правительство России оказалось перед необходимостью пересмотра своего внешнеполитического курса и созданием новых принципов отношений с Японией. В российской и зарубежной [25, 26, 27, 28] историографии 1905 – 1914 гг. характеризуются как период, в течение которого в высших эшелонах власти Российской империи велась полемика между двумя политическими группировками — сторонниками союза России с Великобританией и представителями так называемой «традиционной англофобии», видевшими будущее российской внешней политики в сближении с Германией.

Внешнеполитические дискуссии в российских властных структурах освещались в трудах С.С. Григорцевича, В.А. Маринова, А.В. Игнатьева, Р. Пайпса, У. Лакера и ряда других ученых [1, 2, 3, 4]. В работах названных исследователей, главным образом, констатируется оформление двух противостоявших друг другу политических течений, а также дается характеристика сущности подходов последних к внешней политике. В российской историографии высказывается мнение, что проанглийские элементы выступали за послевоенное урегулирования отношений России с Японией, а представители прогерманского лагеря призывали к продолжению борьбы против Японии на Дальнем Востоке [5; 276]. Подобный подход является не вполне точным и достаточно односторонним, поскольку не раскрывает действительного отношения прогерманского лагеря к вопросам внешней политики. Кроме того, в названных трудах не получило отдельного рассмотрения третье политическое направление – алармисты, которые самым активным образом участвовали в обсуждении новой внешнеполитической доктрины царского правительства.

В данном исследовании автор ставит своей задачей (на основе анализа российских и японских дипломатических документов и других первоисточников, а также материалов российской прессы и трудов российских и зарубежных авторов) представить разнообразие подходов к отношениям с Японией в русских политических кругах, проанализировать, насколько соответствовали вышеназванные подходы действительным целям и задачам России во внешней политике, показать сильные и слабые стороны аргументации представителей указанных политических течений.

«Традиционная англофобия» и внешняя политика России

Теоретические построения представителей прогерманского лагеря основывались на «естественном» разграничении геополитических интересов Берлина и Санкт-Петербурга, означавшем занятие Германией лидирующих позиций в Атлантике, а Россией – осуществление экономического и политического укрепления Дальнего Востока. Идея господства на Балканах, продвигавшаяся сторонниками сближения с Великобританией, представлялась германофилам не соответствующей интересам России, которая, по их мнению, должна была, в первую очередь, позаботиться об освоении уже имеющихся территорий – Дальнего Востока и Сибири. Выступая за активизацию Россией дальневосточной политики, представители прогерманского лагеря, в то же время, не призывали к наращиванию военной силы против Японии на российских дальневосточных рубежах. Последнее можно объяснить уверенностью представителей этого политического течения в том, что обострение отношений России с Америкой и Великобританией станет причиной для естественного сближения России и Японии на основе общности их интересов. Например, указанную точку зрения высказывает Э.А. Барышев, основываясь на мнениях части российских военных и консерваторов, – М.О. Полумордвинова, П.Н. Дурново, А.Е. Вандама [29; 70]. В целом, подход прогерманского направления к российской внешней политике заключался в урегулировании русско-японских отношений на Дальнем Востоке и обеспечении безопасности западных границ за счет заключения договоренностей с Германией.

Вышеназванной точки зрения по вопросу дальневосточной политики царского правительства и отношений с Японией придерживался адмирал А.А. Бирилев, занимавший в 1905 – 1907 гг. пост морского министра. Он принадлежал к числу государственных деятелей, видевших решение вопроса обеспечения безопасности российских дальневосточных владений, прежде всего, в их экономическом освоении и заселении. По его мнению, развитие переселения из центральных областей России, а также создание необходимых условий для закрепления переселенцев на новых землях являлось самым эффективным способом обеспечения обороноспособности Приамурья: «... в новом крае 100 переселенцев – более надежная охрана, чем 100 солдат» [6; 3] А.А. Бирилев полагал, что если Япония в дальнейшем все же попытается вытеснить Россию с Дальнего Востока, то лишь в том случае, если царское

правительство не предпримет надлежащих мер по экономическому усилению и развитию этих земель.

Отдавая должное переселенческой политике как одному из главных шагов по обеспечению безопасности русского Дальнего Востока А.А. Бирюлев, вместе с тем, не придавал значения роли мероприятий по укреплению военного потенциала российских дальневосточных владений. Очевидно, что без усиления Дальнего Востока в военном отношении Россия оказалась бы не в состоянии обеспечить экономическую безопасность Приамурского края и, кроме того, не смогла бы вести диалог с Японией на равноправных началах.

Отчасти схожее мнение относительно дальневосточной политики царского правительства и отношений с Японией высказывал другой представитель прогерманского лагеря – барон Р.Р. Розен – опытный дипломат, проработавший на этом поприще, в том числе и в Японии, более 20 лет. В 1912 г. Р.Р. Розен представил Николаю II записки, в которых говорилось, что российская дипломатия совершала огромную ошибку, ввязываясь в борьбу европейских держав за гегемонию в Европе [7; 51]. Бывший посланник в Японии подчеркивал, что в то время, когда европейские государства все больше втягиваются в ненужную России борьбу за владение колониями и расширение жизненного пространства, Российская империя имеет прекрасную возможность бросить все силы на освоение земель, простирающихся от Уральского хребта до Тихого океана. Вслед за А.А. Бирюлевым Р.Р. Розен высказывал мнение, что дальнейшая активизация российской дальневосточной политики возможна на основе предоставления Германии преобладания в Европе и устранения <России> от всякого участия в соперничестве европейских Держав [7; 45]. По мнению Р.Р. Розена, к востоку от Урала царское правительство сможет действовать при поддержке Японской империи, так как Санкт-Петербург и Токио всегда смогут договориться друг с другом.

В феврале 1914 г. по поручению правых членов Государственной думы П.Н. Дурново представил на рассмотрение Николаю II записку, в которой бывший министр внутренних дел высказал соображения относительно внешнеполитического курса царского правительства, дальневосточной политики Санкт-Петербурга, а также русско-японских отношений. В представленном документе европейский вектор российской внешней политики назывался глубоко ошибочным. П.Н. Дурново убеждал царя, что России не стоит ввязываться в борьбу за черноморские проливы, не имевшие, по его мнению, для нее никакого геополитического значения. Царскому правительству важнее было способствовать укреплению экономического и политического положения русского Дальнего Востока. Автор записок с большим оптимизмом рассматривал будущее отношений Японии и России, нуждавшихся в более тесном двустороннем политическом сближении: «…в сущности, Россия и Япония созданы для того, чтобы жить в мире, так как

делить им решительно нечего. Все задачи России на Дальнем Востоке, правильно понятые, вполне совместимы с интересами Японии» [8]. Союз с Россией позволил бы японскому правительству сосредоточиться на создании военного флота, способного противостоять американскому. В этом случае Россия как союзник Японии могла выступить гарантом японских интересов в Китае. Россия также могла бы воспользоваться японским флотом, отказавшись от непосильной для нее задачи создания военного флота на Дальнем Востоке [8].

Сегодня остается лишь догадываться относительно возможного развития внешнеполитической доктрины Российской империи по сценарию, предложенному П.Н. Дурново и другими представителями прогерманского лагеря. Возможно, что сближение России с Германией на основе заключения оборонительного союза с Японской империей привело бы к активизации дальневосточной политики России, упрочению ее военно-политического положения в Маньчжурии, но, при этом, оградило бы Россию от превратности мировой политики и внутренних потрясений.

В то же время, подходы представителей прогерманского крыла к дальневосточной политике и отношениям с Японией, основывающиеся на признании того факта, что обеим странам на Дальнем Востоке якобы «нечего делить», отличались переоценкой возможностей разрешать спорные вопросы на международном уровне посредством договоренностей, без применения военной силы. Сюда же следует отнести явную недооценку представителями прогерманского лагеря важности усиления русского Дальнего Востока в военном отношении. Таким образом, сомнительно, чтобы теоретические построения германофильского течения были осуществлены на практике.

Перспективы российско-японских отношений в оценке проанглийского политического течения

Идейные противники германофилов – сторонники союза с Великобританией – видели будущее российской внешней политики в «естественном» возвращении к борьбе за доминирование на Балканском полуострове. Например, как подчеркивал бывший российский министр иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский, в конце XIX – начале XX вв. Россия была вынуждена на время «... поставить Балканы под стеклянный колпак» [9; 180], чтобы переключиться на решение внешнеполитических задач на Дальнем Востоке. То есть, по мнению представителей проанглийского политического направления, перенесение вектора внешней политики на Дальний Восток было явлением временным и вынужденным.

С точки зрения геополитики, англофилы рассматривали дальневосточное направление как третьестепенное после Европы и Ближнего Востока. Главным на Дальнем Востоке, по их мнению, являлось сохранение сложившегося после Русско-японской войны статус кво посредством подписания договоренностей с японским правительством о разграничении

сфер влияния в Китае и обеспечение таким образом безопасности дальневосточных границ.

Сторонники европейской направленности внешнеполитического курса России хорошо понимали, что концентрация российской внешней политики на европейском направлении не могла быть достигнута без урегулирования российско-японских отношений, от которых зависела безопасность дальневосточных владений Российской империи. По словам С.Ю. Витте, «... после того поражения, которое мы понесли на Дальнем Востоке и которое отразилось на полном нашем ослаблении в делах западных, нам необходимо найти прочный базис соглашения с Японией, дабы мы могли вернуться с востока на запад и постараться восстановить наш авторитет» [10; 497].

Аналогичного с С.Ю. Витте мнения о целесообразности послевоенного налаживания русско-японских связей придерживался глава МИД России В.Н. Ламздорф. Несмотря на то, что война между Японией и Россией началась в бытность пребывания В.Н. Ламздорфа на посту министра иностранных дел России, сам глава российского внешнеполитического ведомства никогда не был идейным вдохновителем политики царского правительства, приведшей к военному столкновению на Тихом океане [11].

В.Н. Ламздорф показал себя сторонником нормализации отношений с Японией и после подписания Портсмутского мирного договора. Так, на одной из встреч с послом Японии Мотоно Итиро, состоявшейся 10 марта 1906 г., Ламздорф заметил своему собеседнику, что, несмотря на недавнюю войну, Россия настроена на развитие обоюдовыгодного сотрудничества с Японией: «… Прежние проблемы остались в прошлом. … Япония и Россия – две великие дальневосточные державы, имеющие общие границы, и у нас много причин для согласования своих общих интересов в этом регионе» [12; 651].

Принципы российской внешней политики в Европе В.Н. Ламздорф определял как опору на союз с Францией и равноудаленность от Германии и Великобритании, использование противоречий между Берлином и Лондоном в интересах России. В этом отношении его позиция по вопросам российской внешней политики отличалась от внешнеполитической концепции С.Ю. Витте, как одного из сторонника активного участия России в европейских делах. Таким образом, несмотря на наличие в российских правительственных кругах разногласий по вопросам внешней политики, уже в первое послевоенное время идея нормализации русско-японских отношений получила импульс к развитию на высшем уровне, причем, за развитие диалога между Санкт-Петербургом и Токио выступили (с известными оговорками) как представители «традиционной англофобии», так и сторонники сближения с Великобританией.

А.П. Извольский, возглавивший МИД России в апреле 1906 г., рассчитывал в течение нескольких лет создать прочное положение России на Дальнем Востоке путем подписания соглашений с Японией. Преемник В.Н. Ламздорфа выступил более последовательным сторонником проведения

Россией активной политики в Европе. В отличие от своего предшественника, выступавшего за «равноудаленность от Берлина и Лондона», новый глава внешнеполитического ведомства считал, что внешняя политика Российской империи должна базироваться на принципах сближения с Францией и ликвидации противоречий в отношениях с Лондоном. В отношении русской политики на Дальнем Востоке А.П. Извольский подчеркивал, что Россия не является азиатским государством, поэтому чрезмерное вовлечение в дальневосточные дела чреваты для империи потерей положения на Балканах и в Европе: «…внешняя политика России должна продолжать опираться на неизменность альянса с Францией. Этот альянс должен быть подкреплен и расширен за счет соглашений с Великобританией и Японией» [13; 83], [29; 24]. По словам А.П. Извольского, неприкосновенность российских дальневосточных владений «… должна покоиться на мудрой и осторожной политике, которая способствовала бы созданию благоприятной атмосферы для соглашения с Японией, при уверенности у нее отсутствия у нас помысла о реванше и твердого желания осуществить принятые нами на себя постановления Портсмутского мирного договора» [14; 1].

«Линия Извольского», основывающаяся на поддержании статуса кво на Дальнем Востоке и укреплении отношений с Японией, была, в целом, продолжена С.Д. Сазоновым, который возглавлял МИД России с 1910 по 1916 гг. В отношении русского Дальнего Востока позиция С.Д. Сазонова сводилась к признанию необходимости проведения в российских дальневосточных владениях оборонительной политики [29; 25], [15; 132].

Таким образом, несмотря на различия в оценке приоритетов российского внешнеполитического курса, представители прогерманского и проанглийского направлений выступали за нормализацию отношений с Японией и развитие диалога между Санкт-Петербургом и Токио. Представители «традиционной англофобии» рассчитывали посредством урегулирования русско-японских отношений перейти к активной дальневосточной политике, предусматривавшей экономическое и военно-политическое укрепление российских дальневосточных владений, а также проведение совместных с Токио мероприятий в Маньчжурии. В противовес этому сторонники опоры на Великобританию выступали за активизацию российской внешней политики в Европе, но при обязательном обеспечении безопасности дальневосточных границ за счет подписания соответствующих соглашений с Токио.

Особенности подходов алармистов к русско-японским отношениям

Если два вышеназванных политических течения демонстрировали во многом схожий подход к вопросам отношений с Японией, то третья группа политиков и государственных деятелей, которых можно условно назвать «российские алармисты», рассматривала будущее русского Дальнего Востока и русско-японских отношений с принципиально других позиций. В отличие от прогерманского и проанглийского политических течений алармисты

практически не видели возможностей для урегулирования русско-японских противоречий посредством заключения соглашений с японским правительством и предрекали скорое начало новой войны между Японией и Россией [16; 24].

Данная группировка была представлена, главным образом, военными (А.Н. Куропаткин, В.А. Сухомлинов, Н.П. Линевич), правительственными чиновниками в российских губерниях (П.Ф. Унтербергер, О.Е. Шмидт, А.М. Валуев), дипломатическими чиновниками (Б. Арсеньев).

В лагере российских политиков, считавших новую войну с Японией делом самого ближайшего времени, тон задавал П.Ф. Унтербергер. В своих донесениях о положении дел на русском Дальнем Востоке Приамурский генерал-губернатор приводил примеры из истории, в свое время не принятые во внимание российским правительством. По словам П.Ф. Унтербергера, стремление Японии к приобретению главенствующего положения на Дальнем Востоке стало очевидным еще в последней трети XIX в., когда вышедшая из самоизоляции Япония приступила к созданию армии и флота. Однако российское правительство тогда не принимало всерьез это дальневосточное государство, имевшее «всего шесть дивизий», как серьезного соперника [17; 24].

С одной стороны, главе Приамурья было свойственно преувеличивать японскую военную угрозу русскому Дальнему Востоку и возводить в абсолют принцип «хочешь мира – готовься к войне». В то же время, П.Ф. Унтербергер совершенно справедливо отмечал, что накануне Русско-японской войны царское правительство недооценило Японию. Действительно, один раз у России уже не получилось «закидать шапками» японцев, когда в военном столкновении 1904 – 1905 гг. Российская империя потерпела поражение от этого небольшого восточноазиатского государства, которое она значительно превосходила по людскому и промышленному потенциалу.

Слухи о якобы готовящемся нападении Японии на Россию, к возникновению которых во многом приложил руку П.Ф. Унтеребергер, способствовали росту панических настроений в российских дальневосточных владениях. Другой представитель алармистов – военный губернатор Сахалина А.М. Валуев – уже собрался воевать с японцами, очевидно полагая, что все возможности для сохранения «непрочного» мира исчерпаны. В ноябре 1909 г. военный губернатор направил в Санкт-Петербург донесение о полной неподготовленности вверенной ему вотчины к отражению японской агрессии. В донесении говорилось, что местные военные части не укомплектованы патронами, конницей и артиллерией, поэтому организовать партизанскую войну не представляется возможным. Свое донесение А.М. Валуев завершил обещанием: «В случае войны буду бороться до последнего патрона, сгублю отряд, сгину сам не для пользы, так для чести ради» [18; 28].

Если бы речь шла о 1906 г., когда по не вполне уточненным данным, японцами проводились мероприятия по наращиванию вооруженных сил в Южной Маньчжурии [19; 1], подобного рода слухи о войне с Японией возможно имели бы под собой основу. Другое дело, что в 1909 г. опасения военного губернатора Сахалина основывались, главным образом, на «аргументах виртуального характера» [20; 122], каковыми являлись вышеназванные предостережения П.Ф. Унтербергера и, как это ни странно, сообщениях о сооружении Японией в Китае железных дорог. Логика «подсказывала», что если на территории соседнего государства строятся железные дороги, то это вовсе не для развития инфраструктуры, а для последующей переброски по ним к российской границе войск.

Первый секретарь императорской миссии в Пекине Б. Арсеньев считал, что Япония не станет сама нападать на Россию, а сделает это руками Китая. По его мнению, для выдавливания России из Китая руками самих китайцев японское правительство, в первую очередь, разжигает антироссийские настроения среди китайского населения, создавая образ «врага с севера», который угрожает китайским национальным интересам. Кроме того, Япония старается расположить к себе жителей Поднебесной посредством кредитования местных предпринимателей и созданием рабочих мест. Особое внимание уделялось предоставлению китайской молодежи возможности обучения в Японии. Б. Арсеньев подчеркивал, что «... вся эта масса китайской молодежи по возвращении на родину является в руках японцев верным проводником японского влияния» [21; 22 – 33].

Уязвимость в рассуждениях Б. Арсеньева заключается, в первую очередь, в слабой аргументации попыток японцев расположить к себе китайское население. Следует заметить, что у подданных Китая было куда намного больше оснований для ненависти к Японии, чем к России. В данном случае Японию можно вполне назвать «врагом с востока», принимая во внимание события последней трети XIX в. – борьбу Китая и Японии за контроль над Кореей и первую Японо-китайскую войну, которая закончилась подписанием унизительного для Пекина Симоносекского мирного договора [22; 18 – 25]. Чтобы расположить к себе после указанных событий население Китая, Японии следовало, очевидно, развернуть в Южной Маньчжурии массовую выдачу безвозвратных кредитов. По тем же причинам вряд ли допустимо проводить очевидную параллель между обучением в Японии китайской молодежи и усилением прояпонских взглядов в китайском обществе.

Аналогичную с П.Ф. Унтеребергером точку зрения на русско-японские отношения высказывал в своем дневнике А.Н. Куропаткин. По мнению последнего, в самом ближайшем будущем Япония постарается экономически и политически закрепиться в Северо-Восточном Китае, после чего развернет свою армию на Забайкалье и Приамурский край. России следовало не ждать японской агрессии, а предпринять соответствующие меры заранее: поднять

антияпонские настроения среди китайцев и корейцев, а также настроить против Японии ведущие державы [23; 83 – 84]. Во многом схожее мнение высказывал и другой российский алармист – начальник Генштаба России, а впоследствии – военный министр В.А. Сухомлинов. Например, он предлагал царскому правительству организовать «… поднятие в тылу японских армий всеобщее восстание в Корее», чтобы выдавить оттуда Японию [24; 215].

Очевидно, что предлагавшиеся А.Н. Куропаткиным и В.А. Сухомлиновым мероприятия по оказанию противодействия возможной агрессии Японии посредством наступательной войны, проведением антияпонской агитации среди корейцев и китайцев или же некими дипломатическими комбинациями не могли быть реализованы. Планы бывшего командующего русским войсками в Маньчжурии и начальника Генштаба следует, очевидно, рассматривать в качестве одного из возможных вариантов внешней политики России на Дальнем Востоке, но, в то же время, варианта практически неосуществимого.

Необходимость пересмотра Санкт-Петербургом внешней политики и внесение в нее корректив в период 1905 – 1914 гг. были продиктованы итогами Русско-японской войны, приостановившей проведение Россией на Дальнем Востоке наступательных мероприятий. Одним из результатов перехода царского правительства к разработке нового внешнеполитического курса явилось оформление в российских политических кругах трех противостоявших друг другу направлений и активное включение последних в дискуссии по вопросам приоритетов внешней политики и перспективам отношений с Японией. Первое направление было представлено сторонниками сближения с Великобританией, выступавшими за проведение Россией активной европейской политики и нормализацию русско-японских отношений. Второе направление, состоявшее из представителей так называемой «традиционной англофобии», видело будущее России в экономическом и политическом упрочении русского Дальнего Востока и проведении с Японией совместной политики в Китае. Третье – алармистское – выдвигало идею о необходимости продолжения войны с Японской империей и возвращении России утраченных позиций в Корее и Китае. Предпринятый в настоящем исследовании анализ внешнеполитических установок трех вышеназванных течений позволяет утверждать, что (за исключением сравнительно небольшого числа военных и некоторых региональных руководителей) большинство российских политических деятелей поддерживало идею о необходимости нормализации отношений с Японской империей в послевоенный период. Данное обстоятельство во многом обусловило переход царского правительства к оборонительной дальневосточной политике и начало послевоенного сближения между Японией и Россией.

Литература и источники:

1. Григорцевич, С. С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906 – 1917 гг. / С. С. Григорцевич. – Томск : Издательство Томского университета, 1965. – 602 с.

2. Маринов, В. А. Россия и Япония перед первой мировой войной (1905 – 1914 годы). Очерки истории отношений / В. А. Маринов. – М. : Наука, 1974. – 151 с.

3. Игнатьев, А. В. Внешняя политика России в 1905 – 1907 гг. / А. В. Игнатьев. – М. : Наука, 1986. – 301 с.

4. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). – М. : Международные отношения, 1999. – 602 с.

5. Кутаков, Л. Н. Россия и Япония / Л. Н. Кутаков. – М. : Главная редакция восточной литературы, 1988. – 375 с.

6. Стенографический отчет. Государственный Совет. Сессия IV. Заседание 18-е. 11 февраля 1909 г. // РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). – Ф. 89. – Оп. 1. – Д. № 33. – Л. 3 (оборот). Высказывание принадлежит генералу М. Д. Скобелеву.

7. Записки члена Государственного Совета, бывшего посла в Америке и посланника в Японии барона Розена // Источник. – 1997. – № 6. – С. 33 – 55.

8. Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой трудно предвидеть. Записка Петра Николаевича Дурново Императору Николаю II. Режим доступа: http:// www.rusk.ru/st.php? idar=105228. - Загл. с экрана. – Яз.русс.

9. Бестужев, И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики 1906 – 1910 гг. / И. В. Бестужев. – М. : Издательство Академии Наук СССР, 1961. – 405 с.

10. Витте, С. Ю. Воспоминания. В 3 т. / С. Ю. Витте. – Таллин, Москва : Скиф Алекс, 1994. – Т. 3. – 608 с.

11. Всеподданнейшая записка министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа. – СПб., 18 января 1904 г. Режимдоступа:http://www.mid.ru/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042 ee43/7d8d70f7a29fad1cc3256ae7004926d1?OpenDocument. - Загл. с экрана. – Яз.русс.

12. □□□□□□□□□□□□□□□□□□□1906 □3 □29 □□□□□□□□□□□□□39 □□□ 2 □□(Японский посол в России Мотоно – Сайондзи. 29 марта 1906 г. // Нихон гайко бунсё (Японские дипломатические документы). – Т. 39. – Ч. 2. – Токио : Гаймусё, 1959.

13. The Memoirs of Alexander Izwolski: Formerly Russian Minister of Foreign Affairs and Ambassador to France / Izwolski A. – London : Hutchinson and Co, Paternoster Row, 1920. – 288 p.

14. Всеподданнейший журнал совещания по вопросу … (неразб. – Ю. П.). 6 января 1907 г. РГВИА. – Ф. 2000. – Оп. 1. – Д. № 103. – Л. 1 (Сквозной нумерации в деле нет – Ю. П.).

15. Сазонов, С. Д. Воспоминания / С. Д. Сазонов. – М. : Международные отношения, 1991. – 399 с.

16. Сведения о военных мероприятиях Японии. Военное совещание в Токио 11 / 24 апреля 1906 г. РГВИА. – Ф. 2000. – Оп. 1. – Д. № 1070. – Л. 24.

17. Командующий войсками Приамурского военного округа. «Наше положение на Дальнем Востоке в данное время». 23 декабря 1906 г. РГВИА. – Ф. 2000. – Оп. 1. – Д. № 103. – Л. 24.

18. Генерал А. М. Валуев – начальнику канцелярии Совета государственной обороны. Шифрованное донесение. 13 ноября 1909 г. АВП РИ (Архив внешней политики Российской империи). – Ф. «Японский стол». – Оп. 493. – Д. № 1443. – Л. 28.

19. Секретная депеша Г. П. Бахметева. Токио, 1 июня 1906 г. ГАРФ (Государственный архив Российской федерации). – Ф. 559. – Оп. 1. – Д. № 3. – Л. 1.

20. Выражение принадлежит В. Э. Молодякову. По мнению этого авторитетного ученого, несмотря на антироссийские заявления, звучавшие в Японии, равно как и и призывы некоторых российских политических деятелей к войне с Японией, «... трезвомыслящим людям было ясно, что никто ни на кого нападать не собирается». См.: Молодяков, В. Э. Россия и Япония: поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899 – 1929) / В. Э. Молодяков. – М. : АСТ Астрель, 2005. – 370 с.

21. Записка первого секретаря императорской миссии в Пекине коллежского советника Бориса Арсеньева о современной политической обстановке в Маньчжурии. 11 мая 1909 г. АВП РИ. – Ф. «Китайский стол». – Оп. 491. – Д. № 1126. – Л. 22 – 33.

22. Подписан в 1895 г. Китай отказывался от своего сюзеренитета над Кореей, передавал Японии о. Тайвань, острова Пэнхуледао, выплачивал контрибуцию. См.: MacMurray, J. Treaties and agreements with and concerning China, 1894 – 1919 / J. MacMurray. – New York : Oxford University Press, 1921.– Vol. 1. – 928 p.

23. Дневник А. Н. Куропаткина. 30 января 1906 г. // Красный Архив. – 1925. – Т. 8. – С. 82 – 95.

24. Письмо военного министра В. А. Сухомлинова министру внутренних дел П. А. Столыпину об отношениях с Кореей. 11 мая 1910 г. // Корейцы на Российском Дальнем Востоке. Вторая половина XIX – начало XX вв. Документы и материалы. – Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 2001. – 378 с.

25. Pipes, R. E. Struve, liberal on the right, 1905 – 1944 / R. E. Pipes. – Cambridge : Harvard University Press , 1980. – 526 p.

26. Laqueur, W. Black hundred : the rise of the extreme right in Russia. – W. Laqueur. – New York : HarperCollins, 1993 . – 317 p.

*27. □□□□